

Толстой Алексей Константинович

**Полное собрание
стихотворений**

**Драмы, поэмы, повести,
былины, баллады, притчи,
песни, очерки 1855-1875**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Константинович Т.**
Полное собрание стихотворений: Драмы, поэмы, повести, былины, баллады,
притчи, песни, очерки 1855-1875 / Толстой Алексей Константинович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 568 с.

ISBN 978-5-519-77028-6

ISBN 978-5-519-77028-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ 1867 году вышло въ свѣтъ первое собраніе всѣхъ стихотвореній графа Алексѣя Константиновича Толстого, какія были имъ напечатаны въ „Современникѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Русской Бесѣдѣ“ за первыя десять лѣтъ его поэтической дѣятельности, начиная съ 1855 года и по 1866 г. *). Съ того времени прошло новое десятилѣтіе, въ теченіи котораго гр. А. К. Толстой ежегодно помѣщалъ свои произведенія въ „Вѣстникъ Европы“, или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Мысль объ изданіи новаго сборника снова заняла поэта въ послѣдніе годы его жизни, какъ то видно изъ его автобіографіи, помѣщаемой ниже. Благодаря этому обстоятельству, настоящее полное собраніе его стихотвореній, хотя и посмертное, является въ свѣтъ тщательно просмотрѣнное самимъ авторомъ, и съ текстомъ, не только исправленнымъ имъ

*) „Стихотворенія графа А. К. Толстого“. Спб. 1867. Стр. 397. Цѣна 2 р.

собственноручно, по мѣстамъ и измѣненнымъ, сравнительно съ изданіемъ перваго собранія и печатью въ журналахъ. Первое собраніе исправлено авторомъ по печатному тексту карандашомъ, а новыя стихотворенія второго десятилѣтія были переписаны въ особую тетрадь и провѣрены имъ самимъ, за исключеніемъ „Дракона“, явившагося въ „Вѣстникъ Европы“ почти въ самый день смерти гр. А. К. Толстого, постигшей его 28 сентября 1875 г., въ черниговскомъ имѣніи, Красный-Рогъ, гдѣ и погребено его тѣло.

При новомъ изданіи приняты въ основаніе хронологическій порядокъ: первый томъ составляетъ вмѣстѣ и первый отдѣлъ, обнимающій прежній періодъ поэзіи гр. А. К. Толстого, отъ 1855 до 1866 г.; второй томъ заключаетъ въ себѣ второй отдѣлъ, отъ 1866—1875 г.; въ третьемъ отдѣлѣ собрано вмѣстѣ все переводное. Первые два отдѣла расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: I. Поэмы, Повѣсти, Драмы;—II. Былины, Баллады, Притчи;—III. Пѣсни, Очерки.—Двѣ послѣднія рубрики, какъ многочисленныя, расположены въ алфавитномъ порядкѣ, съ цѣлью доставить удобство безъ труда отыскать то или другое изъ болѣе мелкихъ стихотвореній. Въ самомъ концѣ второго тома помѣщены отдѣльно два стихотворенія послѣдняго года жизни поэта, изъ которыхъ второе не успѣло даже попасть въ печать.

Къ первому тому приложенъ портретъ, исполненный по фотографіи, снятой съ автора незадолго до его смерти, и автобіографическій очеркъ, заимствованный въ извлеченіи изъ письма гр. А. К. Толстого къ флорентинскому профессору г. Де-Губернатису; оно было издано послѣднимъ въ „Rivista Europea“, декабрь, 1875 г., подъ заглавіемъ: „Autobiographia di Alessio Tolstoi“. Авторъ пись-

ма отвѣчалъ профессору на его просьбу сообщить ему нѣсколько данныхъ для составленія біографическаго очерка.

М. С.

17 марта, 1876.

Въ настоящемъ изданіи, болѣе компактномъ, оба тома предыдущаго изданія, разошедшагося въ теченіи шести мѣсяцевъ по его появленіи въ свѣтъ, соединены въ одинъ, и дополнена неоконченная драма „Посадникъ“ шестью явленіями въ началѣ перваго дѣйствія, не успѣвшими войти въ изданіе прошедшаго года. Прежнее раздѣленіе на три отдѣла сохранено и въ нынѣшнемъ изданіи, равно какъ и внутреннее распредѣленіе отдѣловъ. Портретъ автора прилагается къ однимъ веленевымъ экземплярамъ, а при экземплярахъ, напечатанныхъ на простой бумагѣ, можетъ приобрѣтаться особо.

18 февраля, 1877.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Ментона. — 4-го марта, 1874.

Вилла „Parc Tranquille“.

... Я родился въ Петербургѣ въ 1817 г. (24 августа), но еще шести недѣль былъ увезенъ въ Малороссію матерью моею и моимъ дядею со стороны матери, Алексѣемъ (Алексѣвичемъ) Перовскимъ, бывшимъ позднѣе попечителемъ харьковскаго университета, и извѣстнымъ въ русской литературѣ подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго. Онъ меня воспиталъ, и первые мои годы прошли въ его имѣніи, почему я смотрю на Малороссію, какъ на мою истинную родину. Мое дѣтство было чрезвычайно счастливо и оставило во мнѣ одни свѣтлыя воспоминавія. Бывъ единственнымъ сыномъ, безъ товарищей игръ, и одаренный весьма пылкимъ воображеніемъ, я очень рано привыкъ къ мечтательности, которая вскорѣ превратилась въ рѣшительную склонность къ поэзіи. Мѣстная природа, гдѣ я жилъ, много тому содѣйствовала:

... Je suis né à St-Petersbourg l'année 1817, mais dès l'âge de six semaines je fus emmené en Petite Russie par ma mère et mon oncle maternel M. Alexis Péroffsky, plus tard curateur de l'université de Kharkoff et connu dans la littérature russe sous le pseudonyme d'Antoine Pogorelsky. C'est lui qui m'a élevé, et mes premières années se sont passées dans ses terres, ce qui fait que je regarde la Petite Russie comme ma véritable patrie. Mon enfance a été très heureuse et ne m'a laissé que des souvenirs lumineux. Etant fils unique, n'ayant pas de compagnons de jeu, et doué d'une imagination très vive, je me suis habitué de bonne heure à la rêverie qui se transforma bientôt en un penchant décidé pour la poésie. La nature du pays que j'habitais y a beaucoup contribué; l'air et la vue de nos grandes forêts,

воздухъ и зрѣлище нашихъ большихъ лѣсовъ, страстно любимыхъ мною, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, имѣвшее вліяніе на мой характеръ и жизнь, и сохраняемое мною до сей поры. Мое воспитаніе по прежнему продолжалось дома. Восьми или девяти лѣтъ я поѣхалъ съ моими родными въ Петербургъ, гдѣ я былъ представленъ Цесаревичу, нынѣ Государю Императору, и допущенъ въ кругъ дѣтей, составлявшихъ Его воскресное общество. Съ того времени благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня. Въ слѣдующемъ году я отправился съ матерью и дядею въ Германію. Въ одно изъ нашихъ пребываній въ Веймарѣ, дядя взялъ меня къ Гёте, къ которому я по инстинкту проникся величайшимъ почтеніемъ благодаря тому, что я слышалъ, какъ говорили о немъ. Отъ этого посѣщенія у меня сохранились въ памяти величественныя черты Гёте, и то, что я у него сидѣлъ на колѣняхъ. Съ тѣхъ поръ и до 17-ти-лѣтняго возраста, когда я выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, я безпрестанно путешествовалъ съ моими родными, то по Россіи, то за-границей, но часто возвращался въ имѣніе, гдѣ провелъ свои первые годы, и никогда я не могъ вновь видѣть тѣхъ мѣстъ безъ особеннаго волненія. По смерти моего дяди, назначившаго меня своимъ наслѣдникомъ, я былъ, въ 1836 г., по желанію матери, причисленъ къ русской миссіи при германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; позднѣе, я пере-

que j'aimais passionnément, m'a laissé des impressions profondes qui ont influencé mon caractère et ma vie et que je garde jusqu'à présent. Mon éducation s'est toujours faite à la maison. A l'âge de 8 ou 9 ans j'allais avec mes parents à St.-Petersbourg, où je fus présenté au Césarévitch, aujourd'hui Empereur de Russie, et admis au nombre des enfants qui formaient sa société des Dimanches. Depuis ce jour sa bienveillance pour moi ne s'est jamais démentie. L'année suivante j'allai avec ma mère et mon oncle en Allemagne. Dans un séjour que nous fîmes à Weimar mon oncle me mena chez Göthe, pour qui j'avais conçu un grand respect d'instinct, grâce à la manière dont j'en entendais parler. De cette visite j'ai conservé l'impression des traits imposants de Göthe et le souvenir d'avoir été assis sur ses genoux. Depuis lors jusqu'à l'âge de 17 ans, où j'ai passé mon examen de sortie à l'université de Moscou, je n'ai pas cessé de voyager avec mes parents, tant en Russie qu'à l'étranger, mais en revenant souvent dans la terre, où j'avais passé mes premières années, et que je n'ai jamais pu revoir sans une grande émotion. Après la mort de mon oncle, qui m'avait fait son héritier, je fus en 1836, d'après le désir de ma mère, attaché à la légation de Russie près la diète Germanique à Francfort s.-M; plus

шелъ во II-е Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, редактирующее законы. Въ 1855 г., я пошелъ въ число охотниковъ, образовавшихъ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи, съ цѣлью принять участіе въ крымской кампаніи; но нашъ полкъ не имѣлъ случая быть въ дѣлѣ и дошелъ только до Одессы, гдѣ мы потеряли болѣе тысячи человекъ отъ тифа, которымъ заболѣлъ и я. Императоръ Александръ II-й, во время коронаціи въ Москвѣ, изволилъ назначить меня своимъ флигель-адъютантомъ. Но такъ какъ я никогда не готовилъ себя для военнаго дѣла и намѣревался оставить службу вслѣдъ за окончаніемъ войны, то я и представилъ скоро мои сомнѣнія Его Величеству, и Государь Императоръ принялъ мою просьбу съ обычною Ему благосклонностью и назначилъ меня егермейстеромъ своего Двора, — званіе, которое я сохраняю и до настоящаго времени. Вотъ лѣтопись моей виѣшней жизни. Что же касается до исторіи моей души, то я постараюсь передать вамъ и ее, какъ съумѣю.

Съ шестилѣтняго возраста началъ я марать бумагу и писать стихи — такъ поражено было мое воображеніе нѣкоторыми изъ произведеній нашихъ лучшихъ поэтовъ, найденными мною въ какомъ-то сборникѣ, дурно напечатанномъ и плохо переплетенномъ въ обертку грязно-краснаго цвѣта. Наружность этой книги запечатлѣлась въ моей памяти и заставила бы биться сердце и теперь, если бы она мнѣ снова попала въ на-

tard j'entrai dans la 2-e section de la Chancellerie de l'Empereur, celle de la rédaction des lois. En 1855 je m'enrôlai parmi les volontaires qui venaient de former le régiment des tirailleurs de la Famille Impériale pour faire la campagne de Crimée; mais notre régiment n'eut pas l'occasion d'aller au feu et n'arriva que jusque à Odessa, où nous perdîmes plus de mille hommes par le typhus que je gagnai aussi. L'Empereur Alexandre II, lors de son couronnement à Moscou, me fit l'honneur de me nommer son aide-de-camp. Cependant, comme je ne m'étais jamais préparé à être militaire et que mon intention avait été de quitter le service quand la guerre serait terminée, je soumis bientôt mes scrupules à S. M. qui accepta ma démission avec sa bonté ordinaire et me nomma veneur de sa cour, titre que je conserve jusqu'à présent. Ceci est l'histoire de ma vie extérieure. Quant à celle de mon âme, je tâcherai de Vous la dire de mon mieux.

Dès l'âge de six ans je commençai à barbouiller du papier et à faire des vers, tant mon imagination avait été frappée par quelques pièces de nos meilleurs poètes que je trouvais dans un gros recueil mal imprimé et mal broché avec une couverture rouge-sale. L'extérieur de ce volume s'est gravé dans mon souvenir et me ferait battre le cœur si je le revoisais. Je le trai-

глаза. Я таскалъ ее, бывало, съ собою всюду и прятался въ саду или въ лѣсу, чтобы, лежа подъ деревьями, зачитываться ею по цѣлымъ часамъ. Вскорѣ я зналъ ее наизусть; я упивался музыкою разнообразныхъ ритмовъ и усвоилъ себѣ ихъ технику. Какъ ни были нелѣпы мои первые опыты, я долженъ сказать, что въ метрическомъ отношеніи они были безупречны. Я продолжалъ упражнять себя такимъ образомъ, совершенствуясь, насколько могъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, но въ печати я появился только въ 1842 г., когда я дебютировалъ не стихами, а нѣсколькими разсказами въ прозѣ. Въ 1855 г. я отдалъ для печати въ первый разъ мои лирическія и эпическія стихотворенія въ разные журналы, а позднѣе я помѣщалъ ихъ ежегодно въ „Вѣстникъ Европы“ или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Такъ какъ вы желали имѣть характеристику моей нравственной жизни, — я вамъ скажу, что, независимо отъ поэзіи, я всегда испытывалъ неодолимое влеченіе къ искусству вообще, во всѣхъ его проявленіяхъ. Та или другая картина или статуя, или хорошая музыка, производили на меня такое впечатлѣніе, что у меня волосы буквально поднимались на головѣ. Мнѣ было 13 лѣтъ, когда я съ родными сдѣлалъ первое путешествіе въ Италію. Изобразить вамъ всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той

nais partout avec moi, et je me cachais au jardin, ou dans le bois, pour l'étudier pendant des heures, couché sous les arbres. Bientôt je le sûs par cœur, je me grisais de la musique des divers rythmes et je m'en assimilai la technique. Quelques absurdes qui ne pouvaient manquer d'être mes premiers essais, je dois dire que sous le rapport de la mesure ils étaient irréprochables. Je continuai ainsi, en me perfectionnant autant qu'il était en moi, pendant bien des années, mais je ne parus dans la presse qu'en 1842, où je débutai non par des vers, mais par quelques nouvelles en prose. En 1855 je fis pour la première fois imprimer des poésies lyriques et épiques dans plusieurs journaux, et depuis j'en ai fait paraître tous les ans dans le „Wiestnik Evropi“, ou le „Rousskii Wiestnik“.

Puisque Vous avez désiré avoir une caractéristique de ma vie morale, je Vous dirai, qu'indépendamment de la poésie, j'ai de tout temps éprouvé un attrait irrésistible pour l'art en général, dans toutes ses manifestations. L'aspect de tel tableau, ou de telle statue, de même que l'audition d'une belle musique, m'ont souvent impressionné au point de me faire littéralement dresser les cheveux sur la tête. J'avais 13 ans lorsque je fis avec mes parents mon premier voyage d'Italie. Vous dire la violence de mes impressions et la

минуты, когда довелось мнѣ ихъ видѣть — было бы невозможно. Мы начали съ Венеціи, гдѣ мой дядя сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія въ старомъ дворцѣ Гримани. Въ томъ числѣ находился бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело, — одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю: этотъ бюстъ находится теперь въ Петербургѣ и принадлежитъ графу Павлу (Сергѣевичу) Строгонову. Когда бюстъ перенесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посмотрѣть на него, и нелѣпнѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе. Я задавалъ себѣ вопросъ, чтó мнѣ сдѣлать для спасенія бюста, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я, въ такомъ случаѣ, унести статую на своихъ рукахъ. Изъ Венеціи мы поѣхали въ Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь, и въ каждомъ изъ этихъ городовъ росли во мнѣ мой энтузіазмъ и любовь къ искусству; такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую „тоску по родинѣ“, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны моп уносили меня въ мой потерянный рай. Съ этою страстью къ Италіи вскорѣ соединилась другая и составила съ нею странный контрастъ, который на первый взглядъ можетъ казаться противорѣчіемъ: это была страсть къ охотѣ. Съ двадцатаго года моей жизни она стала такъ сильна, и я отдавался ей съ такимъ пыломъ, что жертвовалъ ей всѣмъ

révolution qui se fit en moi quand les trésors de l'art se révélèrent à mon âme qui en avait l'intuition avant de les connaître—me serait impossible. Nous commençâmes par Venise, où mon oncle fit de grandes acquisitions dans le vieux palais Grimani. Il y avait, entre autres, un buste de jeune faune, attribué à Michel'Ange, une des plus magnifiques choses que je connaisse, et qui se trouve aujourd'hui à St.-Petersbourg dans la possession du comte Paul Strogonoff. Quand on l'apporta à l'hôtel où nous logions, je ne le quittai plus. Je me levai la nuit pour le contempler, et les appréhensions les plus folles tourmentaient mon imagination. Je me demandais ce que je ferais pour sauver ce buste si la maison prenait feu, et j'essayais de le soulever pour voir si je pourrais l'emporter dans mes bras. De Venise nous allâmes à Milan, à Florence, à Rome et à Naples, et à chacun des séjours que nous fîmes dans ces villes, mon enthousiasme et mon amour de l'art grandissaient; si bien que, revenu en Russie, je tombai dans un vrai *mal du pays* pour l'Italie, dans une espèce de désespoir, qui me faisait refuser ma nourriture le jour, et sangloter la nuit, quand mes rêves me reportaient dans mon paradis perdu. A cette passion de l'Italie une autre ne tarda pas à s'associer et à former avec elle un singulier contraste, qui à première

временемъ, какимъ только могъ располагать. Въ ту пору я состоялъ при Дворѣ императора Николая и велъ весьма свѣтскую жизнь, которая для меня была не безъ обаянія, но отъ которой я часто убѣгалъ, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно одинъ. Между нашими записными охотниками я скоро приобрѣлъ извѣстную репутацію хорошаго охотника на медвѣдей и лосей, и всецѣло погрузился въ стихію, которая столь же мало согласовалась съ моими артистическими инстинктами, какъ и съ условіями моей оффиціальной жизни; она не осталась безъ вліянія на краски моего поэтического творчества. Мнѣ кажется, я обязанъ этой жизни охотника тѣмъ, что почти всѣ мои стихотворенія писаны въ мажорномъ тонѣ, между тѣмъ какъ соотчичи мои нѣли по большей части въ минорномъ. Я думаю въ своей старости разсказать многіе захватывающіе эпизоды изъ этой жизни въ лѣсахъ, которую я велъ въ мои лучшіе годы, и отъ которой моя настоящая болѣзнь, быть можетъ, оторвала меня навсегда. Теперь скажу только, что моя любовь къ нашей дикой природѣ сказалась въ моихъ поэтическихъ произведеніяхъ такъ же, можетъ быть, сильно, какъ и мое чувство пластической красоты...

Моимъ первымъ большимъ произведеніемъ былъ историческій романъ, подъ заглавіемъ *Князь Серебряный*. Онъ имѣлъ три изданія... Его перевели на французскій, нѣмецкій, англійскій, польскій и итальянскій

vue pourrait paraître contradictoire; c'était la passion de la chasse. Depuis ma 20-me année elle devint si violente et je m'y livrai avec tant d'ardeur que je lui sacrifiais tout le temps dont je pouvais disposer. J'étais à cette époque attaché à la cour de l'empereur Nicolas et je menais une vie très mondaine qui n'était pas sans attrait pour moi, mais à laquelle j'échappais souvent pour passer des semaines entières dans les forêts, quelquefois avec un compagnon, mais ordinairement seul. J'acquis bientôt parmi nos chasseurs de profession une certaine réputation comme tueur d'ours et d'élans et je me plongeais tête baissée dans un élément qui ne jurait pas moins avec mes instincts artistiques qu'avec mon existence officielle; il ne fut pas sans influence sur la couleur de mes poésies. Je crois que je lui dois la circonstance qu'elles sont presque toutes écrites en ton majeur, tandis que mes compatriotes ont pour la plupart chanté en mineur. Je me réserve pour mes vieux jours de décrire bien des épisodes émouvants de cette vie de forêts que j'ai menée pendant mes meilleures années et dont ma maladie actuelle m'a peut-être arraché pour toujours. Aujourd'hui je me bornerai à dire que mon amour de notre nature sauvage s'est reflétée dans mes poésies peut-être aussi souvent que mon sentiment de la beauté plastique....